ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принято считать, что гражданская война сопровождалась усилением государственного регулирования экономики. Существует как минимум одна сфера народнохозяйственной жизни, по отношению к которой это утверждение лишено основания. Речь идет о финансах. Государство с каждым месяцем сначала постепенно, а потом стремительно теряло контроль над ними.

Большевикам в силу их доктринальных убеждений было легко отказаться от ставки на деньги как важнейшего рычага регулирования экономических процессов. «Белые», наоборот, до последнего стремились реанимировать кредитно-денежную систему, но почти все их усилия остались безуспешными. Этот факт вовсе не свидетельствует о прозорливости первых и косности, недальновидности вторых. Недаром революцию называют коллективным сумасшествием. Простые решения, игнорирующие сложность экономической жизни и, казалось бы, шедшие ей наперекор, оказывались подчас самыми эффективными. Это не значит, что опыт проигравшей стороны должен быть менее интересен потомкам. Столбовая дорога развития человечества была проложена совсем по другому пути, нежели предполагали большевики. Все попытки построить безденежную хозяйственную систему до сих пор завершались плачевно. Именно поэтому подавляющая часть обществ, оказавшись в кризисе, ищет пути спасения своей денежной системы, а не её уничтожения. Таким образом, экономическое мировоззрение лидеров «белого» движения и руководителей финансовых органов антибольшевистского лагеря остается привлекательным и для нас, а их опыт поучительным. Следовательно, те дискуссии, которые возникали порой по частным вопросам, приобретают значение более существенное, чем совершенно особый путь большевиков.

Состояние источников таково, что рассчитывать на получение точных и абсолютно достоверных статистических данных не приходится. Тем не менее анализ того, что удалось выявить, позволил получить общие представления о структуре доходов и расходов крупнейших антибольшевистских правительств, характере и динамике эмиссии, инфляционных процессов, успехах и провалах государственного регулирования кредитно-денежных отношений.

Значительная часть проблем, с которыми столкнулись антибольшевистские правительства, в тех условиях оказалась неразрешимой в принципе в кратковременной перспективе. Речь могла идти лишь о более или менее мягком выходе из сложной ситуации, об амортизации негативных последствий финансового кризиса. Инфляция на востоке России обусловлива-

лась несколькими факторами. Инфляция спроса, вытекавшая из острейшего товарного дефицита, осложнялась инфляцией издержек в связи с удорожанием производства. К ним добавлялись кредитные факторы (попытки государства поддержать угасавшее производство) и социальные, так как правительство обречено было по мере своих скромных возможностей увеличивать социальные расходы.

Именно поэтому ликвидировать и даже сократить бюджетный дефицит в условиях гражданской войны оказалось практически невозможно. Для этого следовало бы поставить под жесткий финансовый контроль действующую армию и огромную машину тыловых воинских учреждений. Ведь именно они расходовали 60% всех средств. Самые жесточайшие усилия по экономии средств гражданского сектора будут тогда гаситься эффектом своеобразного мультипликатора. Они принесут пользу лишь на 2/5. Если учесть, что расходы крупнейших правительств востока России – Комуча, Временного Сибирского правительства и Российского правительства адмирала А.В. Колчака – были достаточно сильно социально ориентированы, то станет понятно, сколь велики могли стать издержки такой экономии. Армию же, воюющую на своей собственной территории, проконтролировать практически невозможно. Именно поэтому, воспринимая эмиссию необеспеченных денег как разрушительное для экономики явление, антибольшевистские правительства востока России не смогли предложить ничего кардинально отличающегося от политики большевиков. Хотя последние, как известно, были не чужды идеи сознательного обесценивания рубля, т.е. совершенно иначе относились к данной проблеме.

Не менее важным для лидеров антибольшевистского движения оказался вопрос о сущности денег. Вдруг до предела обнажилась практическая значимость этой, казалось бы, чисто теоретической проблемы. Вера в то, что деньги могут быть обеспечены всем достоянием государства, в том числе его недрами и производственным потенциалом, оказалась губительна. Она была связана с неверным пониманием кредитной природы денег.

Деньгами принято называть разные экономические явления. Экономисты используют термин «агрегаты денег», дифференцируя их по степени ликвидности. Всё достояние национальной экономики может существовать в фондовом выражении, но наличность (банкноты и монеты) будут лишь некоторой его частью. Фондовые ценности России обесценились ещё в годы, предшествовавшие революции. Гражданская война только довершила этот процесс. Потеря российскими наличными деньгами свойства абсолютной ликвидности была ещё более тревожным сигналом. Деньги, не являясь фактором производства, вместе с тем оказываются его отражением. Государство может декретировать в качестве денег только то, что отражает его активный производственный потенциал. Лишь он,

наряду с драгоценными металлами, объективно выступает реальным обеспечением денег. Это происходит независимо от деклараций государства.

Сведения о существенном сокращении налогообложения при «белых» свидетельствуют лишь о том, что, как и при большевиках, основным способом изъятия стали неналоговые механизмы. Однако натурализация экономических взаимоотношений в антибольшевистском лагере протекала значительно медленнее. Отказываясь от перехода на натуральные хозяйственные связи, государственная власть вынуждена была прибегать к другим механизмам аккумуляции ресурсов. В России того времени огромную роль сыграло отсутствие системы индексации денежных выплат. Известно, что в условиях инфляции получатели фиксированных доходов несут потери, тогда как субъекты, осуществляющие срочные платежи в неизменных ценах, оказываются в выигрыше. В положении первых оказалась большая часть клиентов государства, а оно само выступило в положении вторых. Формально справедливо будет говорить о том, что наибольшие потери несли в этих отношениях крупные клиенты государства. Но как измерить размер ущерба? Предприниматель потерял на этом своё состояние, а рабочий лишился достойной зарплаты – главного источника средств к существованию.

Итак, основные издержки по содержанию антибольшевистского аппарата и армии несли владельцы денег и получатели фиксированных доходов. И это кардинально отличается от политики натурализации экономических связей при большевиках, при которой основные издержки перекладываются на производителей и держателей товарных ценностей.

Почти удивительные явления можно было обнаружить в сфере чрезвычайно запутанного в годы гражданской войны денежного обращения. В условиях, когда ни один денежный знак отечественного производства не был обеспечен реальным товарным, валютным или металлическим содержанием (ведь и старые романовские рубли его к тому времени уже потеряли), на первый план выступил вопрос не авторитетности политической власти и доверия к ней населения, а качества исполнения денег. Но на нестабильном денежном рынке, в котором структура фондовых цен, как и состав эмитентов, быстро менялись, рыночная конъюнктура оказалась слабо предсказуемой и плохо управляемой со стороны государства. Вопрос, социально острый в определенный период, по прошествии нескольких месяцев мог оставить всех равнодушными. Но и для государства он переставал играть принципиальную роль. Так было с попытками унифицировать денежное обращение на востоке России. Легко удавалось изъять из обращения только денежные знаки, уже потерявшие своё значение на рынке. Государство было обречено на запаздывание при решении этой задачи.

Исчезновение свойства всеобщности денег, вызванное появлением многочисленных видов местных денежных знаков и бон, как обязательных, так и не обязательных к приёму в платежи, резко обострило социальную функцию денег. Обнаружить это позволяет только исторический материал. Зато он прекрасно демонстрирует конфликтогенную роль денег, которые оказываются основой социальной напряженности в обществе. Поэтому финансовая политика и процессы, протекавшие в сфере денежного обращения России в годы гражданской войны, – это ещё и предмет социальной истории.

Проведенное исследование приоткрывает горизонт новых и позволяет усовершенствовать подходы к решению уже известных научных проблем. Фондовая часть экономики соприкасается со всеми сторонами реального сектора народного хозяйства. В частности, очень существенно наличие 40% дефолта. Это неизбежно трансформирует взаимоотношения власти и общества в годы гражданской войны. Его наличие следует учитывать при исследовании заготовительной политики антибольшевистских правительств. Мало просто знать, что государственные органы отчуждали часть ресурсов на условиях отсрочки платежа, которая с учетом инфляции была жестоким ударом по хозяйственному состоянию частного сектора экономики. Необходимо особенно тщательно изучить формы и методы работы государственных заготовительных органов, оказавшихся в ситуации безденежья. Особняком стоит задача исследования хозяйственной деятельности армии. Об этом много писали в общих чертах, рассуждая на уровне очевидного. Следует помнить, что формально государство пользовалось оплачиваемыми услугами и получало товары платно. Следовательно, особую важность приобретает анализ продекларированных и реальных отличий в деятельности советских и антибольшевистских органов власти. Изучая сферу торговли, промышленного производства и транспорта, нельзя не учитывать состояние взаимных неплатежей, их влияние на развал экономики.

Падение роли денежных налогов хотя не означало, что пресс государственных изъятий выражался только в серваже – объективно существующем налоге, взимаемом с предпринимателей и домашних хозяйств посредством эмиссии денег. Очевидно, что возросла роль натуральных повинностей. Но в силу гражданской войны они не раскладывались более или менее равномерно на хозяйства и документировались хуже, чем в дореволюционный период. До сих пор никто не попытался всерьез проанализировать эту нефинансовую часть налоговой политики государства. Эта задача выходит за рамки настоящего исследования, сосредоточенного на вопросах исключительно финансового характера. Но, игнорируя эту проблему в дальнейшем, историки никогда не смогут осуществить реконструкцию способов функционирования антибольшевистского аппарата в условиях распада денежной системы.

Для более глубокого понимания процессов, происходивших в финансовой сфере России в годы революции и гражданской войны, необходимо дальнейшие исследование, но уже в других территориальных и хронологических рамках. Во-первых, чрезвычайно важно предпринять аналогичный анализ состояния государственных финансов юга России, региона, равнозначного востоку по своему значению и не уступавшего ему по сложности и уникальности протекавших там процессов.

Во-вторых, приведенный в настоящей работе материал со всей очевидностью показал, что с приходом большевиков начался особый, не очень продолжительный этап в функционировании финансовой системы востока России. Советская власть и органы ДВР вынуждены были по-своему решать проблему унификации денежного рынка, осуществлять изъятие из обращения отдельных денежных знаков, в том числе и сибирских. Естественно, эти реформы вызывали социальный резонанс, сравнимый с изученными в данной монографии реформами по изъятию «керенок» и местных денег. Не удивительно, что для советской исторической науки не существовало такой научной проблемы, как регулирование денежного рынка в советское время, но не может не вызвать удивления невнимание современных исследователей, историков и экономистов, к данной теме. Ею по-прежнему интересуются только любители-коллекционеры.